

Георгий ИВАНОВ

Испытание огнем

(Военные стихи)

Другое дело — хороши или плохи военные стихи наших поэтов, ниже мы попытаемся в этом разобраться, но возникшей в последнее время военной поэзии никак нельзя отказать в значительности. В дни общего подъема и прикованности внимания к одному, естественно, и поэты не могли остаться равнодушными. Но в том-то и дело, что военные стихи наших дней — не только простой отклик на события, всех взволновавшие. Они несут в себе признаки, пусть слабые, но очевидные, подлинного перерождения нашего одряхлевшего модернизма.

Все полуощущения, полутона, всякая смутность и неопределенность сразу исчезли из стихов, как от прикосновения волшебной палочки. Печаль и радость, восторг и негодование, — простые слова, ясные чувства заменили недавние исхищрения пресыщенных собою поэтов. По поэзии прокатилась волна прекрасной бодрости, трезвого и радостного воодушевления. И это потому, что война разорвала душный круг индивидуальности, породила широкие общие интересы. Русской поэзии возвращено ее исконное право быть народным голосом, — в последние же годы, надо сознаться, каждый поэт был в лучшем случае голосом очень узкого слоя своих читателей и друзей. Не знаменательно ли, что по-юношески зазвенели голоса стариков, что вновь и по-новому стали писать поэты, казалась, замолчавшие навсегда? — В поэзии произошел поворот, по всем признакам счастливый. И если даже написанное до сих пор не имеет большой самодовлеющей ценности, симптоматическое значение военных стихов — велико.

Федор Сологуб с честью вышел из «испытания огнем». В военных стихах он остался тем же взыскательным мастером, ни на

йоту не изменил своему благородному, сухому стилю и взысканному словарю. Вот его стихотворение «Невесте — воин»:

Не десять солнц восходит здесь над нами,
А лишь одно,
И лишь одну прожить под небесами
Нам жизнь дано.

Но если враг наполнил содроганьем
Мой край родной.
Не надо жизни с милым расцветаньем
Мне и одной.

И как ни плачь, свой взор в часы разлуки
К земле клоня.
Но не удержат ласковые руки
Твои — меня.

Когда к тебе вернусь — меня героем
Ты не зови.
Исполнил я, стремясь к жестоким боям,
Завет любви.

А если я паду за синей далью,
В чужом краю,
Ты говори, горда своей печалью —
Сражен в бою.

В этом стихотворении нет никакой уступки теме, никакого заигрывания со вкусами толпы. И тем не менее я уверен, что очень широким читательским кругам будут дороги и понятны эти стихи, как и нам, искушенным литературой. Не значит ли это, что искусство Сологуба возвысилось в них до уровня искусства великого? Я задаю вопрос, но мне кажется — сами стихи на него отвечают, как должно.

Валерий Брюсов справился с задачей гораздо менее удачно. Прославленное его стихотворение «Польше» слишком напоминает, по подходу и авторскому отношению, ретроспективные его опыты. Нарочная «историчность» его стихов неприятна, хотя в них есть великолепные строфы, например эти:

...Но вслушайтесь! В сердцах стесненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен поработенных
Врывается в военный крик...
...Так! слишком долго мы коснели
И длили Валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенный выйдет мир!..

Ряд очаровательных военных стихотворений написал М. Кузмин. Несколько вялые, не захватывающие ритмически, — стихи его проникнуты живым огнем восторга, негодования, любви. Такая насыщенность созданий поэта чувствами, его волнующими, дает стихотворениям Кузмина особенную силу. Вот одно из них:

Вы можете разрушить башни
И осквернить святой собор,
Вы можете спалить все пашни
И заповедный старый бор.

В дыму дворцов и библиотек
Свободно и легко дышать,
Метнув в мадонну дерзкий дротик,
Не вскрикнуть, не затрепетать.

Позор воителя Омара
Пред вашим нынешним — ничто.
Средь стога жертв, в огне пожара
Одно безумье разлито.

Испепеляйте, грабьте, жгите —
Презренье вам ответ, не страх.
С небес невидимые нити
Восстанавливают падших прах.

И мраку косности тлетворной
Не затемнит, на зло векам,
Свободный и нерукотворный.
Сердцами строящийся храм.

Поклонник Фета, автор мечтательных, нередко вялых стихов, Борис Садовской нашел нужные слова, сильные образы, замечательную энергию выражений. Его стихотворение «На смерть Самсонова» должно быть отнесено к числу лучших созданий этого рода.

На смерть Самсонова

Орлиным взором ты следил
За нападеньем и борьбою,
А вражий самолет ходил
Чуть видной точкой над тобою.

Коварным знаком с высоты
Он пушкам указал героя,
И мертвым пал, Самсонов, ты
Среди разрушенного строя.

Пробушевал свинцовый град,
И мертвым пал ты под шрапнелью.

Крестясь, покрыл тебя солдат
Своею серою шинелью.

И, тихим пламенем горя,
Над местом гибели неожиданной
Зарделась вещая заря
Нетленной славы, славы бранной.

Прямо поразительно искусство, с которым поэт сочетал столь животрепещущую тему, столь ультрасовременные детали, как разведка аэропланов, со стилем военной гравюры 1812 года.

Много военных стихотворений написано Сергеем Городецким. К сожалению, о большинстве из них отозваться с похвалой нельзя. По большей части он в звонких — нередко в вялых — стихах излагает содержание передовых статей вечерней газеты.

Пролив белел в ночном тумане,
И чайки подымали крик,
Когда взлетели англичане
И взяли путь на материк... —

хорошо начинает он стихотворение, но сейчас же сбивается на рассуждения, что «германцев груди — приют предательства и зла», и подобные этому.

Справился с позой пророка, которую ему заблагорассудилось принять, О. Мандельштам. Обращение его к австрийским полякам — великолепный риторический жест:

Поляки, я не вижу смысла
В безумном подвиге стрелков, —
Иль ворон заклюет орлов,
Иль потечет обратно Висла...
Или о Габсбургов костыль
Пристало опираться Польше!

Как это ни странно, слабее всех отозвались на войну в мирное время всячески прославлявшие ее футуристы. В одном московском журнале появились вымученные и неприятные стихи В. Маяковского, В. Шершеневича и др. Немногим лучше то, что дал Игорь Северянин:

Я не сочувствую войне,
Как проявленью грубой силы —
Страшны досрочные могилы
И оскорбительны вдвойне.

К победе красная стезя
И скорбь на ней — удел конечный.
Безразумной и бессердечной
Войне сочувствовать нельзя.

Но есть великая война.
 Война народной обороны.
 Отбросить вражьи легионы
 Встает пронзенная страна.

Когда отечество в огне
 И нет воды — лей кровь, как воду.
 Благословение народу.
 Благословение войне.

Конечно, это стихи, но поэзия — вряд ли. Гораздо интереснее строфы другого петроградского футуриста — Рюрика Ивнева. В них есть живой поэтический трепет:

От скованного Перемышля
 По укреплениям и мостам
 Вы плотную стеною вышли
 Навстречу Краковским фортам.

Огонь губительных орудий
 Ваш смелый дух не утратит.
 Как камень тверды ваши груди,
 Душ нет — есть вздох одной души.

И в каждом голосе — Россия,
 И в каждом взоре — синева,
 И каждый чувствует святые.
 Простые русские слова...

Заслуживают внимания подписи под лубками. В японскую войну эти подписи представляли собой вульгарную безвкусицу, много и теперь таких, но под некоторыми — по большей части московскими — лубками попадают забавные и звонкие стихи.

У союзников французов
 Битых немцев целый кузов,
 А у братьев англичан
 Дранных немцев целый чан.

Здесь есть любование рифмой, звон и удаль, хотя и грубоватые. Совсем занята такая подпись:

Отвалилось у Вильгельма
 Штыковое рыжеусие,
 Как узнал лукавый шельма
 О боях в Восточной Пруссии.

Опустил на квинту профиль,
 Говорит жене Виктории —
 Пропадает наш картофель
 На отбитой территории...

Так на наших глазах частушка развивается в новую народную песню, и плакавшие о гибели этой песни могут утереть теперь свои лицемерные слезы...

Изменились темы и пристрастия, но количество истинных поэтов не изменилось. Мы видим, что и теперь впереди — тот, кто для нас всегда был впереди. А что же враги модернизма, поэты из «Русского богатства», поэты из бульварных журналов — почему они молчат теперь, когда говорить — священная обязанность всякого, имеющего голос? — Нет, они не молчат, все эти Рославлевы и Ладыженские. Они тоже пытаются «вещать», только... никто не слышит их косноязычного шепота...

Когда заметка эта была уже сверстана, появились новые образчики военной поэзии, заслуживающие упоминания. Так, в «Биржевых ведомостях» напечатан «Царьград» Сергея Городецкого, где подлинные поэтические достоинства, к счастью, преобладают над отмеченными выше свойственными этому автору недостатками.

ЦАРЬГРАД

Не даром был Олегов щит
 На воротах твоих прибит,
 Царьград, томящийся в плену.
 Эвксинских волн упорный страж.
 Ты будешь наш, ты будешь наш
 В сию волшебную войну.

Ты видел гордые века,
 Ты нас манил издалека,
 Как Византии пышный цвет.
 Святой Премудрости собор
 Давно пленил Славянский взор,
 И есть давно у нас обет:

Освободить любимый храм
 И крест воздвигнуть к небесам,
 А полумесяц дерзкий снять.
 Пусть мир в огне, в слезах, в крови.
 Надежды, Веры и Любви
 Жива таинственная мать.

Пусть плен Софии — плен двойной,
 Судьба нагрянула волной,
 Судьба летит быстрее птиц,
 Россия вновь придет в Царьград,
 Кресты на храме заблестят,
 А минареты рухнут ниц.

«Бельгийский №» газеты «День» вышел со стихами Ф. Сологуба, А. Блока, Игоря Северянина, З. Гиппиус и В. Пяста. К сожалению, имена поэтов в данном случае говорят больше, нежели то, чем они представлены. Стихи Сологуба нельзя отнести к лучшим его созданиям. «Антверпен» Блока — прекрасен, но очень отдаленно, географически только касается войны, как и все, впрочем, опыты Блока в «военном» роде. Две «поэзы» Игоря Северянина напоминают плохой вальс и изобилуют курьезами. У него, например:

...Под строчки Эмиля Верхарна
Кружа кружевет Брюссель...

О стихах З. Гиппиус и В. Пяста можно сказать, что они мало удались авторам, особенно туманное и неряшливо написанное стихотворение г-жи Гиппиус.

P. S. Предлагаемая заметка, не исчерпывающая темы, — только вступление. Редакция имеет в виду давать и впредь краткие обзоры стихов, отражающих текущие события.

